

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Черным по белому

«Научная книга»

Серова М. С.

Черным по белому / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Представьте себе: звучит марш Мендельсона, молодожены выходят из загса и раздаётся... взрыв, страшная трагедия... Но за что и почему? Кто выбрал для мести счастливейший момент в жизни молодых людей? Частный детектив Татьяна Иванова, приглашенная на свадьбу и невольно попавшая на поминки, считает себя просто обязанной расследовать это странное и ужасное преступление...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марина Серова

Черным по белому

Глава 1

Господи, никогда не думала, что день может так ужасно и отвратительно начаться. Что в руки ни возьмешь, все из них валится, за какое дело ни примешься, только напортачишь и все испортишь. Нет, ну, может, я встала, как говорится, не с той ноги, хотя с другой я бы при всем желании встать не смогла, учитывая то, что кровать у меня стоит вплотную к одной из стен. С какого же перепуга тогда все так резко не заладилось? Поломка машины, пробки на дороге, кошмарное происшествие, стресс...

А ведь все могло пройти и по совершенно другому сценарию. Утро бы началось с чашечки ароматного кофе, а не с булки, уплетенной всухомятку. Затем я занялась бы преображением себя, любимой, до образа едва ли не принцессы из волшебной сказки. Потом встретила бы с одним из своих старых друзей по школе, с которым меня случайно свела судьба и который пригласил меня пойти вместе с ним на бракосочетание своего друга Лапина Станислава Станиславовича, посчитав, что одному ему там будет скучно и неинтересно, а в паре со мной, такой красивой, как раз наоборот. И вообще, убеждал он меня, уговаривая согласиться сопровождать его, только тогда праздник удастся.

Удался, как же... Я даже представить себя на месте счастливой невесты не смогла, тем более что ее почти и не видела, то есть видеть-то видела, но в таком, простите за тавтологию, виде, какого себе бы никак не пожелала. Так что и середина дня у меня выдалась на редкость мерзкой, под стать его началу. Однако я немного поспешила – заговорив о самом празднике, перескочила через несколько малоприятных инцидентов. А в данный момент я стояла среди массы истерично ревущего народа и проклинала себя за то, что не послушалась предостережений судьбы и все же поперлась на свадьбу. Чувствовала же, что ничего хорошего из этого не выйдет, и все же согласилась пойти, как будто мне больше нечем себя занять. Вот и результат: лишние проблемы на мою голову...

Впрочем, я опять-таки забежала вперед, а надо бы рассказать все так, как оно и было, с самого начала и по порядку. И начну как раз с того момента, с какого все и началось для меня, частного детектива с многолетним стажем, Татьяны Александровны Ивановой.

Момент этот ненавистен мне с детства, так как я просто патологически не переношу будильники, но все же вынуждена ими пользоваться, потому что без их помощи просыпаться так и не научилась. Я вообще люблю понежиться в теплой постельке и вставать лишь тогда, когда она начнет мне надоедать. Так вот на сей раз все утро испортил будильник. Он зажужжал мне в ухо так противно, что я резко проснулась и на ощупь стала искать кнопку, этого монстра отключающую.

«Черт, нужно купить где-нибудь на рынке будильник старого образца. У него, по крайней мере, кнопка отключения прямо сверху находится, достаточно ладонью стукнуть, и мучительный грохот прекращается, – в который раз подумала я, с трудом полуупав и сдвинув в нужную сторону рычажок. Будильник заткнулся, и я снова откинулась на подушку. – Опять утро, снова утро... – навязчиво вертелось у меня в голове. – И почему только день начинается именно с утра, а не, скажем, с обеда, когда уже полностью выспишься и просто невольно становится глядеть в потолок? Кто это придумал? Явно кто-то из разряда тех, у кого бессонница, потому что нормальному человеку такая идея даже и в голову бы не пришла. Э-эх!»

Я вздохнула и несколько минут просто полежала, ни о чем не думая. Затем опомнилась: вроде бы у меня на сегодня были запланированы какие-то дела, не зря же я завела прокляту-

щий будильник. И я стала вспоминать, какие именно дела и нельзя ли их как-нибудь отложить на более позднее время. Оказалось, что отложить нельзя, так как я приглашена на свадьбу. Согласилась я на нее пойти потому, что уже и не знаю, когда я в последний раз наблюдала за созданием новой молодой семьи и поднимала бокал с шампанским за ее здоровье. Опоздавших же в загсе ждать никто не станет, это всем известно, вот мне и пришлось сделать над собой усилие и встать с постели.

Опустив ноги на пол, я решительно тряхнула головой, отгоняя последние сонные наваждения, и потянулась к халату, висевшему на стуле. Прибрав к рукам незатейливую одежду, я накинула ее на себя, запахнулась, подпоясалась поясом и пошла к двери. Вяло дотопав до кухни, я открыла дверцу висящего на стене шкафчика, достала из него металлическую баночку, в которой хранился кофе, открыла ее и потрясла над кофемолкой. На дно последней высыпались всего какие-то три жалкие крошки, являющиеся остатками зерен кофе. И больше ничего.

«Вот черт! – отставляя баночку в сторону, снова выругалась я, только сейчас вспомнив, что вчера вечером окончательно опустошила все свои запасы кофе, а сходить за ним в магазин поленилась. Сейчас же было еще слишком рано, и ни один из ближайших супермаркетов не успел открыться. – Что же делать?» – спросила я себя, чувствуя урчание желудка.

Единственным вариантом, пришедшим в голову, было выпить чашку чая или растворимого кофе, так как и то, и другое у меня имелось в предостаточном количестве на тот случай, если нагрянут какие-нибудь гости и пожелают совсем не то, что нравится мне, то есть не кофе, а как раз чай. Припомнив вкус этих двух напитков, я с отвращением поморщилась и поняла, что просто не смогу проглотить даже глотка любого из этих так называемых тонизирующих средств. Лучше уж совсем ничего, чем всякая ерунда.

Нет, не подумайте, что я совсем не пью чай или растворимый кофе. Пью, конечно, но... только в гостях, если ничего другого не предлагают. Сама же считаю растворимый кофе полнейшим суррогатом и химией, а чай – крашеной водой, а потому предпочитаю покупать только натуральные кофейные зерна, затем сама их размалываю в кофемолке и варю в джезве любимый ароматный напиток. Уж на что, на что, а на кофе, чудесное средство, поднимающее мне настроение и наполняющее силами, я никогда денег не жалела и жалеть не буду.

Поняв, что с кофе сегодня ничего не выйдет, я достала из хлебницы завалившуюся в ней булочку-рогалик и принялась ее уплетать всухомятку, стараясь таким образом хоть ненадолго утолить голод. Позднее ведь все равно попаду в кафе, там и поем, причем чего-нибудь вкусенького. А уж полчаса-то до кафе как-нибудь выдержу, не столько еще ждать приходилось.

Когда с булочкой было покончено, я перебралась в зал и занялась облачением в заранее приготовленное нежно-голубое длинное платье с симпатичным вырезом на груди и высоким разрезом сбоку, открывающим для обзора мою прелестную ножку до бедра. С этим мне повезло и никаких проблем не возникло. Зато вот с запланированной супермодной прической ничего не получилось. Обещавшая прийти перед отправлением на работу Светка-парикмахерша позвонила и сказала, что не сможет, так как ее старенькой соседке только что стало плохо, она вызвала «Скорую» и теперь сидит возле этой бабушки, дожидаясь приезда медиков.

Ничего не оставалось, как мудрить с волосами самой. Порядком нанервничавшись, я все же смогла уложить их в некоторое подобие извилистой «ракушки», оставила «локон страсти» у виска и закрепила все это сооружение большим количеством шпилек и залила лаком. Потом поработала над макияжем, решила, что выгляжу просто восхитительно, и торопливо покинула свою квартиру, отправившись к машине. Времени оставалось в обрез, поэтому, быстро юркнув за руль своей бежевой «девяточки», я завела ее и надавила на газ.

Но не тут-то было! Не проехав и двух метров, моя машина вдруг взяла и заглохла, напрочь перестав подавать хоть какие-то признаки жизни.

«Только этого мне сейчас и не хватает! – раздраженно вспыхнула я. – Что с ней случилось-то? Вчера ездил нормально, а сегодня ни с того ни с сего бунтует».

Чтобы разобраться в причинах такого поведения машины, пришлось ее покинуть, открыть капот и начать созерцать ее внутренности. Наклоняться низко над масляными деталями в красивом платье я, конечно, не могла, а потому еще больше разозлилась. Хорошо, что из нашего же подъезда вышел мой пожилой сосед, живший этажом ниже. У него тоже есть машина – темно-синий «жигуленок» неизвестно какого года выпуска, но все еще как-то ездящий. Этого соседа я и окликнула:

– Федор Владимирович, вас не затруднит помочь мне найти неполадку в машине?

– Помогу, о чем разговор, – улыбнувшись, ответил сосед и неторопливой походкой направился ко мне.

Шел он очень медленно, но вовсе не потому, что не желал помогать, а по причине недавнего перелома ноги. Кость срослась, но вот хромота так и осталась, и ничего с ней уже не поделаешь. Это ведь у молодых все очень быстро заживает, как говорится, до свадьбы, а у пожилого организма таких возможностей для регенерации уже нет.

– А что случилось-то? Аккумулятор сдох или еще чего? – полюбопытствовал сосед, подойдя совсем близко.

– Не знаю, – честно призналась я, освобождая место у капота. – Просто заглохла и больше не заводится. А мне через час надо в загсе Трубного района быть, на регистрации.

– Свадьба – это хорошо, – с некоторой грустью вздохнул сосед. – Помню свою свадьбу... Как мы тогда гуляли, как веселились! Тогда ведь не было всех этих центров музыкальных и магнитол, как сейчас, так мы под баян, под гитару... Да так отплясывали... сейчас подобного и не увидишь.

– Представляю, – натянуто улыбнулась я, нервничая от того, что Федор Владимирович ударился в воспоминания о былом и совсем позабыл о моей машине. Пришлось ему напомнить о просьбе: – Так вы посмотрите, что с моей «девятичкой»? Может, можно починить?

– Ах да, машина... – спохватился сосед. – Сейчас, сейчас, разберемся.

Сказав это, Федор Владимирович Московин, прозванный старушками Федотом, непонятно, правда, почему, погрузился в изучение мотора моей машины. Ковыряясь во всяких там железках и проводах, он что-то бурчал себе под нос и то и дело мотал головой.

– Ну что там? – не сдержавшись, спросила я, заглядывая через плечо соседа туда же, но все равно ничего не видя и не понимая.

– Плохо дело, девочка, – повернувшись ко мне, ответил Московин. – Тут за час не управиться. Ты, видно, давно машину не проверяла и не ремонтировала, – я кивнула, а Федор Владимирович продолжил: – Масло течет, аккумулятор почти сел, свечи все в нагаре. Дел, одним словом, невпроворот. Я бы тебе посоветовал ее в автомастерскую отдать, сама не сделаешь, – дал совет мужчина. И тут же добавил: – Ну ладно, я пойду, а то жена дрожжи ждет, а я все никак не донесу. Так пирогов и к обеду не дождусь.

– Спасибо, – поблагодарила я соседа, а как только он отошел, раздраженно пнула свою машину ногой по колесу и тяжело вздохнула: – Угораздило же тебя сломаться именно сегодня. Раньше, что ли, не могла?

Правда, потом быстро успокоилась и стала думать, каким же образом доехать до нужного мне места. Без машины добираться до самого отдаленного от центра загса затруднительно – общественный транспорт я не переношу, а просить доставить меня туда кого-то из знакомых было не слишком удобно, поскольку все нормальные люди в пятницу работают, а я-то собиралась отдыхать. Оставалось одно: вызвать такси.

Я достала из сумочки сотовый телефон и, набрав известный мне номер службы вызова такси, произнесла:

– Я бы хотела заказать машину.

– Назовите адрес, – вежливо попросила девушка-оператор, по всей видимости, приготовившись записывать.

Я начала диктовать адрес, но едва назвала улицу, как девушка меня перебила и виноватым тоном произнесла:

– К сожалению, в данный момент мы не сможем выполнить ваш заказ. Просим нас извинить.

– Как это не можете? – удивилась я.

– Дело в том, – стала объяснять девушка, – что в настоящий момент все подъезды к вашей улице перекрыты из-за проходящего в городе парада в честь Дня Победы.

– Но ведь сегодня только восьмое мая, – удивилась я.

– Верно, – согласилась та. – Но завтра официальная часть будет проходить на Соколовой горе, поэтому парад решено было сделать сегодня. Вы разве об этом не слышали?

– Нет, не слышала, – призналась я. А потом сразу спросила: – Как же мне тогда добраться?

– Только автобусом, их хоть кое-где пропускают, – вздохнув, сказала все та же операторша. – Или перезвоните нам через три-четыре часа, парад как раз закончится и транспорт пустят по центральным улицам.

– Через три часа? Но мне нужно быть в загсе уже через полчаса! – возмутилась я.

– Увы, ничем не могу вам помочь, – ответила мне девица и сразу отключилась, посчитав, видно, что сказала мне все, что могла, и больше разговаривать со мной не о чем.

Я едва не разразилась бранью от злости, что ничего не выходит и что на мою голову кучей свалились все возможные неприятности разом, однако все же сумела сдержать себя и не поддалась некрасивому порыву. Но я не из тех, кто при первом препятствии отступает, а потому моментально выудила из глубины своей души такое замечательное качество, как упрямство, и решила, что во что бы то ни стало доберусь до загса к сроку. Иначе я – это не я.

Захлопнув капот и заперев сломавшуюся машину, я уверенно зашагала к остановке. На удивление, автобус нужного маршрута подошел быстро. Народу в нем было не очень много, так что никто слишком уж сильно ко мне не прижимался и не обдавал меня противным запахом своего потного тела. Это радовало, но недолго, так как уже через одну остановку я поняла, что имела в виду операторша, когда сказала, что до меня такси просто не доберется.

Представьте себе: восьмое мая, пятница, обычное утро рабочего дня, все спешат на работу. Но не тут-то было – местные власти устроили парад на главной улице города, демонстрируя зевакам всякого рода свежеекрашенную военную технику, впереди которой вышагивали под музыку мальчишки в форме и в белых перчаточках. Зрелище должно было быть ошеломляющим, если бы не одно «но», носящее название «пробка». Не знаю уж, кто там следил за парадом, но мне лично пришлось любоваться на стихийно возникший парад автомобилей города Тарасова, когда дряхленькие «копейки» стояли бок о бок с лоснящимися блеском джипами и «Тойотами», а от души улыбающиеся пассажиры дружно вышагивали по тротуару, поняв, что иного способа попасть на работу просто нет.

Нет, пробки для нашего почти миллионного городка, конечно, дело привычное, но такая на моем веку была впервые. Ее и пробкой-то называть сложно – скорее забитая транспортом труба, и не прямая, а с мелкими отводами, отходящими от основной во все возможные стороны.

«Интересно, кто придумал устраивать парад восьмого числа, в рабочий день, да еще и в самый час пик, когда даже при наилучшем стечении обстоятельств добраться до места работы без осложнений не представляется возможным? – спросила я сама себя, уже приходя к выводу, что все равно опоздаю на бракосочетание, а идти пешком такое расстояние глупо, да к тому же и бессмысленно. А потом сама же и ответила: – Конечно, наша власть, которой ни до кого из жителей никакого дела нет». Ну просто смешно, для кого вообще организовывался парад, если попасть в назначенное место не смогли не только ветераны, но и родители с детьми, которых

зрелище всякой там техники только и могло бы привести в восторг? Оставалось лишь догадываться об ответе на сей вопрос.

Усмехнувшись своим собственным мыслям, я вздохнула и принялась наблюдать за пассажирами, давно привыкшими к премудростям властей и носа из-за таких пустяков не вешающими, а даже, наоборот, становящимися веселее обычного. Большинство из них, так же, как и я в первые несколько минут, озабоченно вздыхали и пытались решить, выйти из автобуса сразу или немного подождать. Чуть позже, когда этот вопрос уже не ставился, пассажиры принялись звонить на работу по сотовым и предупреждать, что раньше чем через час их можно не ждать.

– Сразу говорите, что и через два тоже не прибудете, – услышав, о чем идет речь, бросил свое замечание шофер и хитровато подмигнул мне в зеркало, через которое его хорошо было видно. – Пока доберемся до конечной, можно будет с полным салоном в обратку ехать, как раз пора будет с работы домой возвращаться.

– А если надо в Трубный район? – решила полюбопытствовать я.

И в ответ услышала:

– Так это после праздников.

– Я на свадьбу опаздываю, – встав с сиденья и подойдя к шоферу, объяснила ситуацию я. – Очень нужно, понимаете?

– Понимаю, – кивнул веселого вида мужчина с торчащими в разные стороны усиками. Эти самые усики делали его слегка похожим на казачка из кинофильмов про боевых вояк. Ему бы бурку на плечи да соответствующий убор на голову, и был бы самый что ни на есть казак. – Попробуем прорваться, – пообещал водила и стал заводить заглушенный ранее мотор автобуса.

– Прямо как в годы Великой Отечественной, – по-дурацки пошутил сидящий рядом кондуктор, паренек лет двадцати. Он был одет в светлую майку, представляющую собой одно большое решето – всю в дырочках. Таким образом он, вероятно, пытался устроить проветривание своего организма, только уж не знаю, насколько ему это помогало спастись от жары, навалившейся на город с раннего утра.

После моей просьбы уставший торчать на одном месте шофер действительно пытался вывести автобус из пробки окольными путями. Он выпроводил кондуктора искать дорогу, а сам медленными рывками стал направлять машину туда, куда тот ему показывал. Сначала получалось вроде бы вполне удачно: медленно, но уверенно мы все же ехали, не важно, что объездными путями и делая большой крюк. Я даже начала надеяться, что застану хоть какую-то часть регистрации. Зря надеялась. Раз мне не везло с самого утра, можно было догадаться, что что-нибудь да случится. Случилось – автобус уперся в низко установленный рекламный щит, возникший поперек дороги. Дальше ехать было нельзя, не свалив эту мерзость с пути.

– Ну вот и все, – усмехнулся шофер, облокотившись на руль обеими руками. – Ничего не выйдет. Был бы автобус пониже или щит повыше, тогда бы проехали.

– А что, если попробовать сделать из автобуса летний вариант – кабриолет, коли иначе не выходит? – предложил один из сидящих позади меня молодых парней, до этого момента все как-то больше дремавший. – Нас тут немало, сила есть, заняться нечем, так что вмиг крышу отломаем.

Остальные пассажиры дружно засмеялись, но шофер шутку не одобрил, сказав, что машина не его и он не позволит портить автобус. Люди снова стали выходить – ждать неизвестно чего наш народ не привык. Я осталась в салоне, не видя смысла идти пешком.

– М-да, похоже, наше правительство наконец-то позаботилось о том, чтобы привлечь к занятиям спортивной ходьбой половину населения, – произнесла я вслух через пару минут, чтобы хоть как-то подбодрить оставшихся, да и саму себя тоже.

Ответной реакции не последовало, потому как все просто изнемогало от усталости, жары и бездействия. Теперь уже и я сникла и расстроено вздохнула. Тут автобус вдруг дернулся, и шофер сообщил, что кондуктор нашел новый выезд и он делает еще одну попытку.

Не стану рассказывать о том, как муторно и долго мы выбирались из этой пробки, как объезжали заполоненные машинами дороги какими-то задворками, по совершенно лишенным асфальта дорогам. Главное, что в конце концов наш кондуктор вывел нас на нужное место, и все радостно стали выгружаться, громко благодаря предприимчивую команду автобуса. Я тоже вышла, а вскоре дождалась другого автобуса, движущегося в сторону Трубного района, и села в него. Благодаря тому, что в этой отдаленной от центра части города ничего не перекрывали, я доехала до нужной остановки очень быстро и почти бегом ринулась в сторону загса, располагавшегося за несколькими домами, прямо напротив парка.

«Вот-вот, еще несколько шагов, и я буду на месте, – подбадривала я сама себя, преодолевая парк и уже едва дыша от слишком быстрой ходьбы. – Вон уже и крыша загса видна, вон пестреют яркие платья гостей...» Только какие-то странные оттуда звуки доносились. Не смех, а что-то, скорее напоминающее плач...

В одно мгновение на душе стало жутко, и я интуитивно почувствовала: что-то случилось. Стараясь не поддаваться упадническому настроению, тем более что ничего еще толком не зная, я предположила, что, возможно, просто запаздывает кто-то из молодых и гости в панике. Но мой внутренний голосок не дал соврать самой себе и метко заметил: «Ты не в Америке. У нас жених сначала невесту выкупает, а только затем везет ее в загс, так что отдельно прибыть сюда они никак не могли».

Замечание оказалось очень правильным, и мне пришлось его признать. О том же, что еще плохого могло случиться, я заставила себя не думать, прекрасно зная, что ничего хорошего после столь нелегкого пути в мою голову не придет, а стресс раньше времени мне ни к чему. Да и вполне может оказаться, что проблема и репы пареной не стоит.

Торопливым шагом покинув территорию парка, я с улыбкой на устах и гордо поднятой головой шагнула в сторону загса. И заранее начала готовиться к тому, что сейчас придется извиняться перед Александром Хопиновым, своим другом и бывшим одноклассником, за опоздание, пусть даже и вынужденное.

Извиняться не пришлось. Буквально в следующую минуту я замерла на дороге, понимая, что все мои самые худшие мысли, оставленные «на потом», сейчас, по всей видимости, найдут реальное подтверждение. Вокруг крыльца загса толпилось множество народу, причем как приглашенного, так и случайно проходящего мимо. Гости рыдали навзрыд, остальные озадаченно качали головами и тихо перешептывались. А на самом возвышении перед дверью мельтешили сотрудники милиции, что-то тщательно осматривающие и изучающие. Чуть в стороне, среди парадно украшенных машин, виднелась «Скорая помощь», возле которой стояли несколько медбратьев с весьма задумчивым видом.

Совершенно ничего не понимая, я торопливо собрала подол своего платья и кинулась к толпе, надеясь отыскать в ней единственного человека, которого знала, а именно Александра Хопинова – того, кто меня сюда пригласил. На мое счастье, Саша попался мне на глаза почти сразу: он стоял, прислонившись к одной из по-свадебному украшенных машин, и нервно кусал нижнюю губу. Эта привычка была у него с детства, и отделаться от нее он так и не сумел, несмотря на то, что она очень сильно мешала ему по жизни, так как из-за нее скрыть свою нервозность от посторонних глаз ему никогда не удавалось.

– Саша, что тут произошло? Почему здесь милиция, «Скорая»? Где молодые? – налетела я на своего одноклассника.

– Молодые... – как в бреду, повторил Александр и, чтобы скрыть слезы, торопливо отвернулся от меня.

– Да что тут происходит? – стараясь сдерживать себя и не закричать слишком громко, раздраженно повторила я и дернула Хопинова за рукав. – Ты можешь мне нормально объяснить? Что тут случилось?

– Погибли молодые, – не поворачиваясь, ответил мне Александр. – Взорвались, выходя из здания загса.

– Как взорвались? Как погибли? – не могла поверить в услышанное я, но все же кинула взгляд в сторону дверей загса и только сейчас заметила, что вся поверхность крыльца забрызгана ярко-алыми пятнами крови. – О господи! – невольно вырвалось у меня, и я торопливо отвернулась, не в силах видеть это зрелище. Такого поворота событий даже я себе представить не могла.

Хопинов же как в бреду добавил:

– Старики говорят, этого стоило ожидать, ведь свадьба устроена в мае. А май, значит, «маяться». Вот они и... отмаялись.

Чтобы прийти в себя после увиденного и отогнать прочь мысли о том, что все это могло случиться прямо у меня на глазах, если бы я прибыла вовремя, а не с опозданием на полчаса, мне потребовалось несколько минут. Только после этого я смогла задать новый вопрос, обращаясь опять же к своему бывшему однокласснику:

– Но как... как такое могло произойти? Откуда на крыльце загса могла взяться бомба?

– Не на крыльце, она была в телефоне, – все тем же убитым голосом объяснил мне Александр, а потом предложил: – Давай отойдем куда-нибудь подальше, я больше не могу на все это смотреть.

Я согласилась, и мы медленно побрели к парку. Там сели на первую попавшуюся деревянную лавочку, я достала из сумочки пачку с сигаретами и предложила закурить Хопинову. Александр не стал отказываться, трясущимися руками взял сигарету и прикурил от своей зажигалки. Несколько глубоких затяжек вернули его к жизни и дали возможность хоть немного прийти в себя. Хотя я подозревала, что жуткая картина происшествия еще долго будет стоять перед глазами парня.

Выждав несколько минут, я теплила надежду, что Александр сам предпримет попытку мне рассказать, и поняв, что этого не случится, я осторожно попросила:

– Саш, расскажи, что и как произошло? Понимаю, сейчас тебе очень тяжело, но...

– Ты возьмешься за расследование этого дела? – непонятно почему вдруг спросил Александр, не дослушав меня.

– Я еще ничего такого не думала, – честно призналась я и внимательно посмотрела на старого знакомого. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто я тут подумал, что ты могла бы помочь обеим семьям найти виновного. Ты же частный детектив, причем хороший, – объяснил причину своего предложения Хопинов. – Не верится мне, что милиция сумеет разобраться с этим делом. Я хорошо знал жениха... он был моим другом... я просто не могу допустить, чтобы преступление осталось нераскрытым. Слушай, разве тебе не жалко молодые загубленные жизни? Впрочем, тебя не было в тот момент, когда все случилось... Нужно было видеть, как тела молодых... – Александр тяжело сглотнул, – как их разбросало в стороны, как кровь брызнула... как забились в истерике родители, а некоторые гости попадали в обморок...

Александр всхлипнул и утер рукой снова выступившие на глазах слезы, которых на сей раз он уже не скрывал. А потом он добавил:

– Я думал, умру, когда все это увидел. У меня до сих пор все внутри сотрясается, а что уж говорить о женщинах. Половину из них на «Скорой» отвезли в ближайшую больницу, другие глотают успокоительное в своих машинах. Такой ужас!

– Да, очень страшно, – согласилась я, понимая, что Александр прав и что мне стоило бы предложить свою помощь самой, несмотря на то, что я опоздала.

Я, конечно, человек совершенно посторонний, никого из присутствующих не знаю, кроме жениха, с которым пару дней назад меня познакомил Хопинов. Тогда-то я и была приглашена на свадьбу. На милицию и в самом деле в подобных случаях слишком уж большой надежды нет,

а обратиться к частному детективу родственники не скоро соберутся. А когда надумают, большая часть следов будет стерта и уже сложно будет разобраться совсем. Я же волею судьбы оказалась на месте происшествия и могла попытаться помочь. Не из-за денег, в которых последнее время у меня острого недостатка не было, а из солидарности и уважения к памяти двух невинных молодых людей.

– Знаешь, наверное, ты прав, – немного подумав, произнесла я. – Работы у меня сейчас срочной нет, так что я могла бы попробовать...

– Ты чудо, Танечка, – не дослушав, крепко обнял меня Хопинов. – Я знал, что ты не эгоистка и сможешь понять чужое горе. Что касается денег, я сам тебе могу немного дать, ту часть, что планировал подарить сегодня молодым. Ну и еще немного подкину, а если понадобится больше, обращусь к родственникам. Думаю, они поймут и...

– Насчет денег не переживай, – решительно перебила я парня. – Я не всегда работаю только ради них, хотя и не считаю, что предложенное будет лишним. В данной же ситуации я просто не могу их у тебя принять, это было бы не слишком красиво, согласишься?

– В общем, да, – натянуто улыбнулся Александр. Потом еще раз обнял и по-дружески чмокнул меня в лоб, сказав при этом: – Я рад, что ты не изменилась и все такая же отзывчивая, как и раньше.

Мы с Александром с пару минут помолчали, думая каждый о своем, а затем я принялась расспрашивать его.

– Расскажи по порядку, как все случилось? – в первую очередь попросила я. – Сам понимаешь, теперь для меня это очень важно. Других гостей беспокоить я пока не могу, да и вряд ли они способны трезво мыслить в данной ситуации.

Александр кивнул и начал пересказывать события прошедшего часа. Я внимательно слушала, едва сдерживаясь, чтобы не прослезиться.

– Когда мы приехали в загс, ничего подозрительного никто не заметил. Бракосочетание прошло по первому классу, все было так, как и положено: музыка, слова поздравлений, клятва верности, обмен кольцами. Одним словом – все, как и обычно, – пояснил Хопинов и, глубоко вздохнув, приготовился переходить к описанию самых страшных событий.

Рассказ давался ему нелегко, и я это чувствовала, но Александр все же держался и старался не пропускать наиболее важных деталей, понимая, что они могут быть очень нужны.

– Затем, – продолжил Хопинов, – после торжественной части все гости вышли на улицу и стали рассаживаться по машинам, а жених с невестой... – При воспоминании о них Александр мгновенно погрузился больше прежнего, но сумел собраться и продолжить: – Они решили сфотографироваться на крыльце загса и остались на нем вдвоем, третьим был фотограф. Я в тот момент как раз открыл дверцу машины и посмотрел на пару, искренне радуясь за них. И тут вдруг прогремел взрыв и... В общем, ты сама понимаешь.

Александр попросил у меня еще одну сигарету и, закурив, добавил:

– Взрыв произошел, когда у жениха зазвонил сотовый телефон. Молодые упали замертво. Фотографа потом увезли на «Скорой» с несколькими ранениями. М-да... кто-то сделал хороший свадебный подарок.

– А их самих, я имею в виду жениха с невестой, уже отправили в морг? – поинтересовалась я, впрочем, и сама догадываясь об ответе.

Хопинов ничего не сказал, только кивнул. Я же немного подумала и снова спросила:

– Родители или другие родственники жениха не догадались, чьих рук это могло быть дело? Ведь по всему видно – убийство заказное и заранее хорошо спланированное, а не спонтанное происшествие. Наверняка кто-нибудь догадывается, кто и почему мог такое устроить.

– Что ты, какое там! – отмахнулся Александр. – Родственники и тем более родители теперь вообще не скоро разговаривать способны будут. Их даже милиция не расспрашивает ни о чем, видя, в каком истерическом состоянии они все находятся... Особенно женщины, –

добавил через секунду Хопинов. – Мать и отец Стаса, наверное, лет на двадцать постарели, ведь потерять сына в день его свадьбы... страшнее не бывает на свете.

Я вздохнула. Прежде чем задать новый вопрос, взяла руку Александра в свою, слегка сжала ее и спросила:

– А ты как думаешь, чья это работа? Ты ведь был другом жениха, а значит, тоже мог знать, какие у него имелись враги.

– К сожалению, мы с ним не очень долго были знакомы, – откликнулся Александр, потушив ногой окурок второй выкуренной сигареты. – Чуть больше года. Встречались не часто, так как оба люди занятые. И встречи наши были не такими, чтобы он стал жаловаться на кого-то или рассказывать о врагах.

– Ну что ж... – кивнула я и задумалась над тем, каким образом можно выяснить что-то еще о жизни жениха и невесты – Станислава Лапина и Алены Скрябиной.

Я прекрасно понимала, что в настоящий момент пообщаться с кем-то из более близких друзей и родственников не удастся, учитывая их душевное состояние. Иного же способа прояснить ситуацию пока не было, а значит, следовало хоть немного подождать, когда большинство свидетелей оправится от пережитого, и лишь затем заняться опросом.

Господи, как же я не люблю ожидания! Они для меня всегда страшнее всего на свете. Правильно говорит наш умный народ: «Лучше убежать и догонять, нежели лежать и ожидать». Хотя, по-моему, эта поговорка звучит немного иначе, но в моем варианте она мне больше нравится.

Не желая тратить время на бесполезные посиделки, я повернулась к Александру и произнесла:

– Пожалуй, мне стоит навеститься на место преступления. Вдруг удастся выяснить какие-то подробности. Ты со мной?

– Прости, но я предпочту остаться тут, – отказался от предложения сопровождать меня Хопинов. – Иди одна, я тебя тут подожду.

– Хорошо, – не стала настаивать я и, встав с лавочки, направилась назад, к злополучному загсу.

Подойдя к нему, я увидела, что народа меньше не стало, а, напротив, собралось еще больше прохожих и зевак – в основном по соседству живущих бабулек-сплетниц, с интересом наблюдавших за действиями милиции. Они-то как раз больше всех и обсуждали случившееся, то и дело охая и вздыхая, задавая друг другу вопросы и выдвигая всевозможные версии, кто кого и за что убил. Приглашенные же на свадьбу гости и родственники, причем больше мужского пола, пока еще тоже толпились возле загса, пытаясь выудить из сновавших туда-сюда милиционеров хоть какие-то сведения. Они, видно, считали своим долгом узнать всю правду и донести ее до своих жен, а также до родителей погибшей пары.

Просочившись сквозь толпу, я остановилась у ментовского ограждения и снова посмотрела на место взрыва. Сейчас оно выглядело уже не так ужасно. Кровь застыла и превратилась в грязно-коричневые пятна, несколько кусков ткани от платья невесты и костюма жениха гоняло ветерком по ступеням, а все остальное, что могло бы напугать прохожих, уже давно отсутствовало благодаря быстрым действиям криминалистов и работников морга.

Я вздохнула. Какая же все-таки мерзкая середина дня у меня выдалась сегодня. Свадьба обернулась трагедией, а потому в данный момент я и стояла среди массы расстроенного и убитого горем народа и проклинала себя за то, что не послушалась предостережений судьбы. Вот и результат: лишние проблемы на мою беспокойную голову.

* * *

Покрутившись на месте преступления какое-то время, но так и не выяснив ничего нового, я отправила Хопинова домой, а сама поехала в отдел к Владимиру Сергеевичу Кирьянову, решив переговорить с ним и узнать все о странной взрывчатке, способной уместиться в обычном сотовом телефоне, таком же, какой есть у меня и у половины населения нашего милого Тарасова. Хотя, может быть, телефон тут был совсем даже ни при чем и взорвалось что-то другое, подброшенное, например, в карман жениха или ему под ноги. В любом случае я хотела знать, с чем имею дело и что мне вообще следует искать.

Подойдя к одному из присутствовавших на месте преступления мужчин, имеющих собственную автомашину, я кратко объяснила ему, что собираюсь сделать, и попросила помочь. Мужчина, оказавшийся дядей Станислава Лапина, не задумываясь, согласился и мигом доставил меня к месту назначения. Я поблагодарила его за помощь и отправила назад, к загсу, в то время как сама пошла к центральному входу в отдел милиции.

Вскоре я уже сидела перед подполковником милиции и моим старинным другом Владимиром Сергеевичем Кирьяновым, которого звала попросту Кирей. С ним меня связывало очень многое, как, впрочем, и его со мной: мы часто помогали друг другу, благодаря чему Киря теперь имел погоны подполковника, а я с его помощью зарабатывала приличные денежки и была очень известным в Тарасове частным детективом. Согласитесь, взаимовыгодное сотрудничество.

– Володя, помогай, – плюхнувшись на единственный свободный от бумаг и папок стул в кабинете Кири, тяжело вздохнула я. Потом облокотилась на стол и добавила: – Опять без тебя ничего не выходит.

– Это комплимент, – расплылся в улыбке Володька, удовлетворенно почесывая кончик носа.

– Считай, что так, – согласилась я и уточнила: – Так что, поможешь?

– Ты сначала объясни, что стряслось и что нужно, – приостановил мою попытку сразу перескочить к главному Киря. – Давай-ка с самого начала и по порядку, а там уж подумаем, что делать и как быть.

– Хорошо, – кивнула я и сразу приступила к объяснению, начав, по женскому обыкновению, с вопроса: – Слышал о сегодняшнем происшествии у загса, что в Трубном районе?

– Это о взрыве, что ли? – моментально сосредоточился Киря.

– Да, о нем. Я только что оттуда.

– А что ты там делала? – не дал продолжить мне Володька. – Только не говори, что почувствовала совершение преступления, а потому решила поприсутствовать при нем лично, чтобы потом взяться за дело. У тебя, конечно, отменная интуиция, но не до такой же степени.

– Собиралась на свадьбе погулять, – разочарованно вздохнула я, отведя взгляд в сторону. – Думала, оторвусь по полной, повеселюсь, а тут вон как все вышло. Впрочем, я самого взрыва и не видела, опоздала на бракосочетание из-за этой чертовой пробки и парада. Но дело не в том, – решительно отодвинула я на второй план все сказанное. – Тот человек, который пригласил меня пойти на свадьбу, мой одноклассник и друг Саша Хопинов. Он-то и попросил меня заняться расследованием, а я согласилась. Не смогла отказать, тем более что сама уже познакомилась с женихом, да и...

– Понимаю, – кивнул Кирьянов. – Из чувства сострадания. Это правильно. Только не совсем понимаю, чего ты от меня хочешь? Я этим делом не занимаюсь – не мой участок. Так что извини, но помочь вряд ли чем могу.

– Знаю. Но я не за тем приехала, чтобы ты рассказал о том, что накопили твои коллеги. С ними я уже побеседовала там, на месте. Они говорят, что ясно пока лишь одно: убийство

наверняка заказное. Больше они пока ничего не выяснили. Я же хочу разобраться с самим взрывным устройством, которое было помещено в телефон жениха, потому и приехала к тебе.

– А я что, похож на подрывника? – попытался пошутить Киря, не совсем поняв еще, что я имею в виду.

– Нет, не похож. Но ты можешь устроить мне встречу с вашим техником. Или как там его еще называют? В общем, с тем человеком, который может меня проконсультировать по поводу изготовления взрывчатых устройств, – более точно пояснила я. – Можешь ведь?

– Попробую. Подождешь минутку? – И как только я согласно кивнула, Киря снял со своего рабочего телефона трубку и стал куда-то звонить.

Мне ничего не оставалось, как ждать. Как только трубку сняли, Володька попросил пригласить к нему в кабинет Михаила Максимовича Проклова. А пока тот шел к нам, объяснил мне:

– Миша – лучший из известных мне специалистов в области взрывчатых веществ. Он прекрасно разбирается в радиоприборах, электротехнике, в химии, ну и, соответственно, в физике. У нас работает давно, так что ему доверять можно. Человек он общительный, расскажет все, что попросишь.

– Это хорошо, – кивнула я и снова вздохнула, прикидывая в уме, какие вопросы сейчас стоит задать.

Через несколько минут появился и сам специалист: мужчина лет сорока с небольшим, с приятной внешностью и совершенно лишенной волос головой. У него были ясные голубые глаза, очень густые, нависающие над ними брови и маленький картофелеобразный нос, в настоящий момент шелушащийся от загара. Губы мужчина имел широкие, но при этом не женственные, а очень даже волевые. Таким же, впрочем, волевым был и подбородок. В целом мужчина выглядел довольно внушительно и вполне отвечал представляемому мной образу человека данной профессии.

Внимательно рассмотрев со стороны этого самого специалиста, я почему-то решила, что он человек очень замкнутый и не слишком разговорчивый. Но едва Киря представил нас и я задала ему первый вопрос: «Каким образом сотовый телефон можно превратить во взрывное устройство?», Михаил Максимович принялся очень эмоционально все разъяснять, сопровождая свои слова самыми разнообразными жестами.

– Довольно просто и без особых проблем. Если, конечно, вы хоть немного разбираетесь в радиоэлектротехнике и физике с химией, – улыбнувшись, начал свой рассказ специалист. – Сейчас инструкцию того, каким образом можно изготовить взрывчатку, или же данные о том, где можно достать капсулу со взрывчатым веществом и как поместить ее затем в сотовый телефон, пульт от телевизора или иную вещь, без труда можно раздобыть в Интернете. Там сейчас чего только нет! Если хорошенько порыться, можно найти и полное описание изготовления атомной бомбы или подлодки. Вот ведь до чего прогресс дошел! А там дело остается за малым: заказать необходимые вещества, а потом быстренько засунуть их куда следует. Вот и бомба готова.

– А каким образом происходит взрыв? То есть что ему предшествует? – внимательно выслушав ответ Проклова, задала я новый вопрос.

– Каким? – повторил Михаил Максимович. – Как бы вам попроще объяснить? Короче, как только на тот телефон, в который помещена взрывчатка, поступает звонок, происходит замыкание внутри электронного механизма, и устройство срабатывает, как в случаях с пехотной миной, когда на нее наступают, а потом поднимают ногу. Принцип похож. Вот вам и взрыв. Сейчас, я смотрю, часто стали этот вариант взрывчатки использовать, вот и сегодня... – Михаил Максимович, явно уже наслышанный о происшествии возле загса, вздохнул. – Говорят, взрыв был очень мощным, оба погибли. Жаль молодежь, могли бы ведь и деток еще нарожать... А тут нате вам – кто-то постарался, поздравил с законным браком.

– Да, я в курсе сегодняшних событий, – произнесла я, заметив про себя, что уже не первый человек отзывается о взрыве как о свадебном подарке. Но, быстро отогнав эти мысли и все с ними связанное, снова продолжила расспросы: – Скажите, а звонить на начиненный взрывчаткой телефон должны были только с определенного аппарата или с любого?

– Абсолютно с любого, ведь замыкание происходит от самого звонка, а не от чего-то еще, – пояснил специалист. – Так что тому извергу, кто подложил это устройство, на месте преступления присутствовать необязательно, ни самому даже утруждаться и звонить. Ведь позвонить может кто угодно, совершенно посторонний. Весьма удобное изобретение. Для преступника, я имею в виду. Вложил взрывчатку в телефон, сам делай что угодно, а кто-то случайно позвонит, и дело в шляпе. М-да, вот так вот, – подвел итог Михаил Максимович.

– Стойте! Что же тогда получается – взрыв мог произойти в любой момент? Даже когда рядом с молодоженами находились бы другие люди или... или прямо во время регистрации? – испуганно спросила я и сама содрогнулась от пришедшей мне на ум мысли.

– Увы, это и в самом деле так, – признал мою правоту Проклов. – Но ведь преступников никак не задевает смерть людей, иначе бы они никого не убивали. Тому, кто такое задумал, нет дела до того, один человек умрет или целая пачка.

– Какой ужас... – теперь уже вздохнул Кирьянов, хотя ему и не такое еще приходилось порой видеть.

А я тяжело сглотнула и спросила:

– Скажите, а можно ли найти в Тарасове тех, кто бы мог заниматься изготовлением взрывающихся капсул и продажей их? – Я решила проверить, знает ли Проклов людей, снабжающих преступников нашего города подобными орудиями убийства.

– Вряд ли. Я же уже сказал – сделать такое устройство по силам каждому, даже вам. Главное – иметь под рукой все необходимое и знать, что со всем этим делать, – ответил мне специалист, а потом попросил разрешения закурить и полез в карман за сигаретами.

– То есть, если я вас правильно поняла, искать изготовителя попросту бесполезно? – стала уточнять я, протягивая мужчине зажигалку.

– Верно, так оно и есть, – прикуривая сигарету, ответил мой собеседник. – Так что не знаю, как наши коллеги теперь будут выяснять, кто решил повернуть сегодняшнее дельце, – снова вернулся он к недавней и всех заинтересовавшей новости. – Трудновато будет найти виновного. Тем более что сам телефон, естественно, разорвало при взрыве на части.

– Ничего, разберутся как-нибудь, – высказал свое мнение на этот счет Кирьянов.

А Проклов решил наконец спросить:

– А зачем вам-то информация о взрывчатке в телефонах понадобилась?

– Пытаемся понять, как все произошло, – коротко ответил Киря за меня.

– А, так вы, наверное, родственница погибших сегодня молодых? – сделал собственный вывод Михаил Максимович, явно весь наш разговор ломавший голову над тем, почему именно я, какая-то посторонняя особа, а не подполковник Кирьянов, задаю ему вопросы.

Я не стала вдаваться в объяснения и просто кивнула. Ему ведь все равно, кто я и зачем мне нужна информация. Главное, что вызвало-то его начальство, с него и спрос в случае чего. Удовлетворившись такого рода ответом, Проклов поинтересовался, не нужно ли еще чего от него, и покинул кабинет.

Глава 2

– Ну, что собираешься делать теперь? – задал свой излюбленный вопрос Володька, когда мы остались наедине и в кабинете повисла неловкая тишина. – Есть идеи насчет того, кто бы такое мог совершить? Сразу скажу, что думаю сам: скорее всего, не террористы, так как никаких требований не выдвигалось, никто не грозил продолжать устраивать подобные взрывы.

– Я тоже так думаю, – ответила я. – Если бы террористы, было бы проще. Мы хотя бы знали, кого именно ловить, а тут...

– Что, даже мысли никакой нет? – удивился моему заявлению Киря. – Что-то на тебя не похоже. Обычно ты...

– Мысли-то есть, а толку? – перебила я Володьку. – Мне, чтобы что-то выяснить, нужно с кем-то из родственников поговорить, а они сейчас все в таком жутком состоянии пребывают, что я даже не знаю, когда смогу встретиться с ними.

– Да, проблемка, – посочувствовал Киря. А потом спросил: – Я так понял, что если еще какие новости по данному делу будут, тебе их обязательно сообщить?

– Да, если не сложно, – извиняющимся тоном произнесла я и, встав со стула, направилась к двери.

Киря проводил меня до порога и, пожелав удачи, вернулся на свое рабочее место изучать какие-то бумаги.

Оказавшись на крыльце, я вспомнила, что совершенно лишена на сегодня своего средства передвижения, а значит, вынуждена буду тратиться на такси или ездить в жутком общественном транспорте. И то, и другое не слишком вдохновляло, но я понимала, что если день не заладился с самого утра, то и к вечеру не стоит ждать перемен.

Не совсем еще решив, что следует делать дальше, я перешла через дорогу и медленным шагом направилась по тротуару, размышляя, каким бы образом выявить хоть мало-мальски способного на такую жестокость подозреваемого. Он, этот самый убийца, наверняка за что-то мстил молодоженам, а убивать собственноручно не решился, понимая, что так его гораздо проще вычислить. Вот и придумал подстроить взрыв.

Впереди на моем пути появилось некоторое подобие парка с несколькими лавочками, в данный момент почему-то совсем пустыми. Прибавив шагу, я дошла до одной из них, смахнула с нее пыль бумажной салфеткой, достав ее из сумочки, и села, продолжая свою умственно-аналитическую работу.

Итак, убиты парень и девушка. По сведениям очевидцев, взрыв произошел в момент звонка на телефон жениха. Стало быть, именно его прежде всего пытались уничтожить, тем более что звонок мог поступить на телефон еще до отъезда парня в загс, и злоумышленник это хорошо понимал. Что касается невесты, то девушка буквально ни за что пострадала. Теперь о мотивах. Причиной убийства молодого человека могла стать, например, месть. Также в качестве причин возможны соперничество или стремление избавиться от парня в связи со слишком большой его осведомленностью в каком-либо деле. Пока точная причина убийства не ясна, но моя задача – ее выяснить.

Теперь разберемся с другим этапом, а именно – с внедрением капсулы со взрывчаткой в телефон. Чисто логически рассуждая, видим мы тут следующее: для того чтобы поместить капсулу в трубку, нужно сначала эту самую трубку у ее владельца забрать хотя бы на время. Потом отнести ее куда-то, скажем, нужному человеку, а когда с нею будут проделаны необходимые манипуляции, вернуть обратно. Жаль, что нет возможности расспросить жениха о том, кто и когда брал у него телефон, а тогда сразу бы стало ясно, с кого следует начать расследование. Но, как известно, ничего так просто и случайно не бывает, и потому жениха именно взорвали, чтобы он уже ничего не сумел сказать.

Стараясь выудить из всего известного хоть какой-то факт, за который можно было бы ухватиться, чтобы выяснить истину, я сосредоточенно уставилась на барахтающегося в маленькой лужице на тропинке воробья. Тот преспокойно себе занимался собственным прихорашиванием и явно не подозревал, что жизнь может быть ужасно проблемной и сложной. Позавидовав беззаботности милой пташки, я отвела глаза в сторону и тяжело вздохнула, прикидывая, с какой стороны подойти к решению проблемы.

И меня вдруг осенило: а ведь для того, чтобы в сотовый телефон что-то поместить, его и в самом деле потребовалось сначала забрать у хозяина. Сам он вряд ли бы его кому-то постороннему отдал, кроме родственников и самых близких людей. Значит, скорее всего, трубку выкрали на время, а затем вернули обратно. А кто имел такую возможность? Да опять же один из тех, кто был ближе всего к жениху: родственник либо человек, приглашенный на торжество.

Поняв, что никакой «человек с улицы» не мог заминировать телефон, я даже немного порадовалась тому, что теперь у меня частично обрисовался круг подозреваемых и стало ясно, что искать виновного следует именно среди своих. Как ни странно, но этот вывод меня ничуть не удивил – чаще всего именно так всегда и бывало. Близкие родственники что-то не сумели поделить, друзья вспомнили старые обиды и... в один далеко не прекрасный момент решили за них отомстить... Вполне банальная история. Куда реже бывает, когда кого-то убивает посторонний человек. Для этого тот «кто-то» должен быть, скажем, миллионером и президентом крупной компании. Но погибший Станислав ни тем, ни другим не был.

Кстати, а вдруг к этому делу приложил свою руку мой бывший одноклассник, Александр Хопинов? Вот уж непонятно, почему мне в голову пришла подобная мысль. И я сразу же воспротивилась ей, доказывая самой себе, что такое попросту невозможно. «Во-первых, Саша присутствовал на свадьбе и собственными глазами все видел, – первым делом напomniaла я себе. – И я лично видела, как он тяжело переживал».

«Да-да, – тут же влез в мою беседу с самой собой мой противный внутренний голосок. – Наверное, хотел лично убедиться, что его врага разнесет в клочья».

«Ничего подобного, – возразила ему я. – Если бы это был он, тогда я на свадьбу приглашена не была бы, тем более что Александр прекрасно знает, кто я и чем занимаюсь, а также и то, что на моем счету нет ни одного дела, не доведенного до конца. Кстати, он же меня и попросил заняться расследованием злодейства».

«А вдруг он решил попробовать бросить тебе вызов и посмотреть, как тебе удастся со всем этим разобраться, тогда как он будет строить из себя убитого горем друга, все время находясь в курсе событий и всех твоих действий, – выдвинул новый довод мой внутренний голосок, все еще идя от противного. Впрочем, это была его основная обязанность, и он с ней прекрасно справлялся. – А может, надеялся, что ты опоздаешь из-за парада».

Но я все равно не верила ему и продолжала настаивать на своем:

«Хопинов не виновен. Я его знаю со школы, он не тот человек, который может совершить убийство, тем более такое жестокое».

«Люди меняются», – отозвался мой несносный вечный спутник.

«Возможно, – согласилась я с ним. – Но кое-что в их поведении все равно остается прежним. Если Александр и изменился, то его произвольные жесты, движения, хотя бы то же самое покусывание губ, всегда говорят о нем правду».

«А может, он просто хороший актер?» – спросил у меня же мой внутренний голосок.

Я прикинула, что и как, вспомнила, сколько раз случалось, что те, кому я так верила, в итоге оказывались совсем не теми, за кого я их сначала принимала, и вынуждена была признать правоту своего глубинного голоса:

«Да, возможно, Хопинов имеет какое-то отношение к случившемуся. Даже, вероятно, непосредственное. Но в таком случае он сильно сглупил, пригласив меня на свадьбу и попросив

заняться расследованием. Я выведу на чистую воду виновного, и мне не важно, кто он такой. Даже если им окажется мой друг».

Покончив с внутренними дискуссиями, я снова собралась с мыслями и, зная теперь о том, что проверку следует начать с самых близких родственников и друзей жениха, решила отправиться к нему домой и побеседовать с теми, кто будет на это способен. Одним словом, ориентируюсь на местности. Родителей тревожить, может, и не стану, учитывая их угнетенное, если не сказать невменяемое состояние. Значит, придется за них отдуваться остальным родственникам.

Встав с лавочки, я закинула сумочку на плечо и поспешила к остановке. Там дождалась маршрутки и спокойненько уселась на предпоследнее свободное сиденье. Я очень надеялась, что хоть в маршрутке дорога окажется сравнительно удобной. Здесь некому толкаться, как в обычном автобусе, никто не будет топтаться по ногам и пытаться пристраиваться тебе на колени, никому не придется уступать место, как в трамваях. Ха, как бы не так! День у меня начался преотвратно, так же он и продолжался.

Сев в маршрутку, я только пару минут смогла дышать спокойно. А потом в салон, на последнее свободное место – и рядом со мной, между прочим! – влез пьяный и ужасно вонючий дед. И он начал всем рассказывать, какой он великий музыкант и как он сейчас работает на проспекте, даря всем якобы захватывающие своей красотой мелодии. Смех, да и только! Мелодии эти он наверняка исторгает из старого и рваного баяна, способного производить лишь хрип и шипение, а рабочим местом «музыканта» уж точно является любой участок на земле, на который брошена какая-нибудь грязная тряпица или же в лучшем случае установлен шатающийся стул. Одним словом, видели мы всех этих бродячих музыкантов, зарабатывающих себе на выпивку с закуской «искусством» выпрашивания милостыни – «Подайте, люди добрые, тому, кто не сумел доучить ноты».

Не знаю, как я выдержала всю эту пытку – противный дребезжащий голос, запах перегара, постоянное ерзанье старикана на сиденье. Но точно уверена: если хоть раз впоследствии я встречу этого горе-музыканта на проспекте, припомню ему все, что из-за него вынесла. Просто в тот момент очень уж не хотелось устраивать скандал в замкнутом пространстве. Да и что толку пьяному что-то говорить или доказывать – все равно что горохом в стену кидать. Благо ехать мне было недалеко. Вскоре показалась моя остановка, и с нескрываемой радостью я покинула маршрутку. Первым делом сделала глубокий выдох, а затем вдох, наполнив легкие свежим воздухом. И только потом отправилась на поиски квартиры, в которой проживал жених, то есть погибший Станислав Лапин. Адрес его у меня был, но вот бывать там мне еще не приходилось.

Чтобы не слишком плутать по закоулкам, тем более что на здешних домах почему-то таблички с номерами прибить никто не удосужился, я назвала адрес одиноко сидящей у своего подъезда старушке и попросила ее мне помочь. Та сразу указала на дом напротив, стоящий к данному «спиной». То есть подъезды в нем располагались с другой стороны, мне невидимой. К нему я и направилась.

Едва зайдя за угол этого дома, я почти сразу наткнулась на несколько по-свадебному украшенных машин. Правда, возле них никого не было, и вообще территория перед домом была пуста. Этот покинутый кортеж производил немного угнетающее впечатление. Наверное, уже все соседи знали, как закончилась едва начавшаяся свадьба.

Быстро дойдя до нужного подъезда, я поднялась на второй этаж и остановилась было возле двери Лапиных, собираясь надавить на звонок. Но тут заметила, что дверь не заперта вовсе. По всей видимости, близкие погибшего решили не запирают входную дверь, так как люди будут то и дело входить и выходить из квартиры, помогая теперь с организацией похорон. Ключей на всех не хватит, каждый раз кидаться к двери при звуках звонка не слишком удобно.

Посчитав такое решение вполне даже правильным, я осторожно толкнула дверь от себя, шагнула через порог и оказалась в маленькой прихожей, из которой в саму квартиру вела еще одна дверь. Ее я тоже попробовала открыть без стука, и это у меня вполне получилось. И вот я стояла в просторном коридоре, заставленном множеством пар обуви, и слышала доносившийся из внутренних помещений раздирающий душу плач. Мгновенно захотелось развернуться и уехать к себе домой, где было спокойно и тихо. Но я понимала, что не могу себе этого позволить хотя бы потому, что завтра часть гостей может уехать, и мне потом придется мотаться по городу, чтобы с ними побеседовать. Я ведь уже решила, что займусь этим делом.

Сделав над собой усилие, я прошла до кухни и заглянула в нее. Там стоял густой сигаретный дым, а все сидячие места занимали только лишь мужчины, погруженные в тяжкие воспоминания и пытающиеся успокоить свои нервы спиртным и куревом. Понять их было несложно, ведь кто как может, тот так и глушит душевную боль.

Тихонько кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание, я спросила:

– Не скажете, где найти свидетеля со стороны... – чуть было не сказав «жениха», я быстро осеклась и не закончила фразу. Тем более что все и так поняли, кого я ищу.

– Если вам нужен Сергей Костромов, то он на балконе. Его до сих пор тошнит, – совершенно лишенным эмоций голосом сухо ответил мне один из мужчин и тут же снова принялся глядеть в рюмку, словно спрашивая у нее: «Сумеешь залить горе, сумеешь залечить рану?» Остальные присутствовавшие в кухне люди выглядели не менее обреченно и расстроено и даже не смотрели в мою сторону.

У меня сжалось сердце, и я снова почувствовала себя здесь лишней и никому не нужной. У людей было горе, а я собиралась приставать к ним с какими-то вопросами, сама еще ничего толком не зная и лишь только подливая масла в огонь. Может, мне все-таки лучше уйти, дать им время опомниться, вернуться к действительности и прогнать из мыслей страшную картину взрыва? Пусть я потом буду вынуждена мотаться по разным адресам, а может, и по разным городам, чтобы что-то прояснить и уточнить, но зато сейчас не стану никого напрягать и притягивать к себе всеобщий гнев. Людям нужна разрядка, а я со своими расспросами очень даже подхожу, чтобы вызвать ее на себя.

Почти поддавшись порыву, я едва не сделала шаг назад, но тут же вспомнила, что детектив обязан идти по горячим следам и никогда не отступать. А потому, решив, «будь, что будет», направилась на балкон. Для этого мне пришлось пересечь зал, где собрались женщины, выглядевшие еще более плачевно, чем их вторые половины. У меня навернулись на глаза слезы, но я заставила себя отключиться от восприятия окружающего мира и, погружившись в свои размышления, упрямо прошла к балконной двери. На меня никто даже внимания не обратил.

Выйдя на открытый балкон, я увидела одинокого молодого паренька, довольно хорошо сложенного, со светлыми, немного вьющимися на висках волосами. Лица его видно не было, так как, сидя на стуле, лбом он опирался на кольцо своих рук, лежащих на балконном ограждении. Парень либо не заметил меня, либо ему было все равно, во всяком случае, на мое появление он никак не отреагировал.

Несколько минут молча постояв рядом с ним, а заодно и собравшись с мыслями, я окликнула его:

– Если я не ошибаюсь, вы Сергей Костромов?

– Что? – словно его разбудили посреди ночи, резко, но в то же время как-то неосознанно парень поднял заплаканное лицо и тупо посмотрел в мою сторону.

У него оказалась довольно своеобразная внешность: маленькие, глубоко посаженные глаза, такой же небольшой нос, женский овал лица, широкий рот с четко обрисованными губами. Особой привлекательностью парень не отличался. Обычное русское лицо, как раз такое, какие раньше подбирали для съемок художественных фильмов о тех годах, вернее веках, когда Россия еще называлась Русью.

– Вы что-то спросили? – спустя минуту, немного очнувшись, спросил парень.

– Да, я спросила, вы ли Сергей Костромов? – ответила я на его вопрос, а потом сразу представилась: – Татьяна Иванова, частный детектив. Вы не будете против, если я вас немного потревожу? Я понимаю, что сейчас вы не в том состоянии, когда люди беседуют с посторонними, но все же просто поймите, что наш разговор необходим. Это нужно и важно для памяти вашего друга.

Сергей всхлипнул носом и, отвернувшись в сторону, выпалил:

– Гады, ублюдки, живодеры! За что они его, за что?

– Вот в этом-то я и хочу разобраться, – вставила я. – И даже надеюсь, что вы мне немного поможете.

– А кто вас нанял? – задал уже более осмысленный вопрос парень, как бы возвращаясь к жизни.

– Да почти никто. Я была приглашена на свадьбу, хотя видела жениха всего один раз. А раз такое произошло, решила заняться расследованием. Тем более что я это могу.

– А-а-а, – протянул Сергей то ли от удивления, то ли просто потому, что нужно было что-то сказать.

Мы еще пару минут помолчали, а потом я снова спросила:

– Ну так вы согласны ответить на мои вопросы?

– Да, – уверенно ответил Сергей. – Я постараюсь.

Встав со стула, на котором сидел, он предложил его мне. Я отказалась, сказав, что предпочитаю постоять.

– В таком случае я тоже постою, – ответил парень и облокотился на перила балкона.

Мы снова замолчали, глядя перед собой, созерцая вид двора с высоты.

– Вы давно знакомы с Лапиным? – спросила наконец я у Сергея, понимая, что разговор о женихе лучше начать издалека.

– С детства, – все еще глядя куда-то вдаль, произнес парень. – Мы со Стасом учились вместе. Да и вообще всегда были как братья. Я никак не могу поверить, что теперь его нет.

– Старайтесь не думать сейчас об этом, – попыталась я подбодрить парня. – Лучше вспоминайте о хорошем, ну и, конечно, думайте, чем можете помочь в поиске его убийц. Если вы действительно ценили Станислава как человека и как друга, то должны хотя бы стараться мне помогать.

– Я согласен, но не знаю, чем могу вам помочь, – развел руки в стороны Сергей. – Я даже представления не имею, кто мог совершить подобное. У меня вообще в голове не укладывается мысль о том, что кто-то мог настолько ненавидеть Станислава, чтобы...

– И все же вы лучше всех знали Лапина. Наверняка он делился с вами своими проблемами, рассказывал о ссорах с кем-то, о неурядицах, – ничуть не обратила я внимания на последние слова парня. – Вы должны знать, кто имел на него зуб и кто мог решиться его убить. Или хотя бы догадываться об этом.

– Да нет, что-то не помню, чтобы он что-то такое рассказывал, – немного подумав, ответил Сергей. – Друзья, да, у него были, а вот насчет врагов... Даже не знаю, имел ли он их вообще. Стас ведь был человек спокойный, очень уравновешенный, он никогда зря ни с кем не ругался и всегда первый шел на примирение, за что его и уважали. Так что вряд ли это кто-то из друзей или знакомых.

– Возможно, друзья здесь действительно ни при чем, а виноваты более близкие люди, – осторожно произнесла я, чем немного насторожила и заинтриговала своего собеседника, который слегка прищурился и пристально посмотрел на меня, ожидая, что я скажу дальше. Я не стала медлить и продолжила объяснять: – Понимаете, Сергей, если брат в расчет, что взрывчатка была заложена в телефон Станислава, то ведь выходит, что для того, чтобы ее туда поместить, требовалось саму трубку сначала забрать. Так?

– Да, так, – согласно кивнул Костромов. А я продолжила:

– Исходя из всего этого, у меня возникла мысль, что взял телефон на время кто-то свой. Тот, кто все время был рядом с женихом. Ведь взрывчатку помещать в трубку следовало именно сегодня, иначе взрыв мог случиться намного раньше. А значит, посторонние или не приглашенные на свадьбу люди сделать этого никак не могли.

– Верно, – сообразив, что я совершенно права, с еще большей заинтересованностью в глазах откликнулся Костромов. – Но это что же тогда получается, что сами гости... точнее, кто-то из гостей убил жениха? Подложил взрывчатку и сам же на все это смотрел? К-ка-какой ужас!

– Увы, выходит, что так. Поэтому попробуйте вспомнить, не упоминал ли Стас, что кто-то из приглашенных к нему не совсем хорошо относится. Пусть он даже не уточнял, почему именно, дальше я уже сама разберусь, главное, вспомнить, не говорил ли Лапин чего-то такого. Пока мне просто нужно найти точку, с которой можно начать расследование, – пояснила я.

– Понимаю, – в очередной раз кивнул Сергей и вдруг как-то резко встрепенулся. Я догадалась, что он что-то вспомнил, а потому тотчас же напряглась. – Я знаю, кто это мог сделать, – уверенно заявил Костромов. – Знаю!

– Объясните, – пока еще без энтузиазма попросила я. – Кто и, главное, за что?

– Его старший брат – Андрей Лапин.

– С чего вы взяли? – удивленно переспросила я.

– Сейчас объясню, как я узнал, что Андрей и Стас – сводные братья. Мать Стаса вышла замуж за человека, у которого уже был сын – на несколько лет старше Стаса. Поначалу Андрей и Стас были как родные, но стали взрослеть, и все изменилось. Стас мне рассказывал, что они уже давно не ладят между собой, – принялся объяснять Костромов. – А все потому, что Стас был любимцем у родителей, его всегда хвалили. А с Андреем было наоборот: он ведь разгильдяй порядочный, поэтому его ругали все время, а в пример ставили Стаса. Естественно, Андрей злился и завидовал младшему брату. Так что наверняка он виноват.

– И все же они братья, хоть и сводные, – не совсем пока верила сказанному я. – Из-за одной зависти разве стоит убивать? Для подобного решения нужно что-то более важное и весомое.

– Вы правы. Но, насколько я знаю, – продолжил свое объяснение Костромов, – в последнее время их отношения еще больше испортились. Даже был какой-то скандал. А причиной его стало то, что родители купили собравшемуся жениться Стасу квартиру, тогда как Андрей давно уже слоняется по общежитиям со своей девушкой. Узнав, что младшему брату сделали такой подарок, он заявил, что это несправедливо, что он старший сын и имеет на жилье больше прав. Конечно, стал требовать, чтобы квартиру отдали ему, обвинять всех и во всем, короче, они все сильно тогда поругались. – Сергей с минуту помолчал, а потом тихо добавил: – Как же это я раньше не вспомнил?

– А вы уверены, что старший брат мог решиться на такой поступок? – принялась уточнять я, понимая, что зависть такого рода запросто могла стать поводом для убийства.

– Абсолютно, – подтвердил свои слова Костромов. – Я же сказал вам, что Андрей – тот еще тип. После школы он нигде не работал и не учился, только в армии отслужил. А занимался он черт знает чем.

– И чем же именно? – не стала пропускать я таких подробностей.

– Воровал и сдавал цветной металл, перекрашивал краденые машины... В общем, много интересного на его счету было, я всего даже и не знаю. Родители Андрея всегда за него краснели, периодически откупали его, когда он попадался.

– Значит, мог, – подвела я итог. – А он, я имею в виду Андрея, был сегодня у загса? Или, может быть, утром здесь?

– Нет, он принципиально сказал, что не появится, – усмехнулся Сергей, – наверное, думал, что этим кого-то заденет. Но вчера наверняка здесь был, а может, и рано утром сегодня.

У него же ключи от квартиры свои есть, вот он и приходит, когда захочет, никого не спрашивая. Стас даже говорил, что они собирались замок в двери поменять, потому что он уже всем надоел – ведет себя бессовестно: берет из холодильника и из шкафов все, что понравится. А кому такое понравится?

Отметив себе в памяти факт наличия у старшего брата собственных ключей от квартиры родителей, я спросила у Сергея:

– Скажите, а Стас всегда носил с собой свой сотовый телефон или в какие-то дни оставлял его дома? И еще, мог ли он доверить его кому-то на время? Ну, скажем, хотя бы на час?

– Ну, тут я твердо уверен: он не всегда брал телефон с собой. Несколько раз бывало: когда мы где-то надолго засиживались и я просил у него трубку, чтобы позвонить домой и предупредить, что задержусь, и оказывалось, что Стас ее не взял. Стас – парень экономный, зря деньгами он не швырялся, а телефон у него так, для души, чтобы иметь возможность самому куда-то позвонить. Для работы он ему не требовался, и ему очень редко звонили, потому что он почти никому не давал свой номер – считал, что если кто захочет пообщаться с ним по телефону, так позвонит и на домашний.

– То есть получается, что он редко брал трубку с собой, – подытожила сказанное я.

– Ну, как редко? Когда знал, что ему должны позвонить, или когда ему он нужен был. А так оставлял дома, боялся потерять. Он его несколько раз уже то там, то тут оставлял, хорошо, люди попадались честные, всегда возвращали, правда, за вознаграждение. Потому Стас и старался не рисковать, предпочитал оставлять мобильник дома. Особенно на время гулянок.

– С этим ясно, а как насчет сдачи трубки в прокат? – напомнила свой второй вопрос я. – Мог он телефон свой доверить кому-то из друзей, дать попользоваться на время?

– Вряд ли. Стас поленился бы потом ехать куда-то забирать телефон. Да и зачем бы ему это надо вообще? К тому же телефоны сейчас стоят так дешево, что, если они кому-то нужны, люди их просто идут и покупают. Мобильник ведь уже не роскошь, а средство необходимости, и не более.

– Понятно, – согласившись с тем, что купить телефон сейчас по силам каждому, ответила я. – А где живет Андрей, вы знаете? – спросила я вслед за тем.

– Да, но только не точный адрес, а так, могу объяснить, как найти. У меня память зрительная больше развита, я обычно адреса и не запоминаю, знаю просто, как дойти, а большего мне и не надо. Я там был всего один раз. Точнее, мы со Стасом мимо проходили, и он мне показал тот дом.

– Ну что ж, попробуйте объяснить, – ответила я, решив, что лучше уж искать дом, где Андрей снимает квартиру, по таким вот разносторонним объяснениям, чем пытаться выяснить его точный адрес у остальных родственников. Те сразу заподозрят неладное, начнут выспрашивать, что да зачем. Объяснять придется... А вдруг решат, что я с ума сошла со своими подозрениями, схлопочу тогда по полной.

Достав из сумочки блокнот, я записала в нем все координаты, названные Костромовым, и даже доверила ему начертить мне приблизительный маршрут пути – пока все вроде бы было понятным. Затем поблагодарила парня за помощь, записала и его данные, включая номер домашнего телефона, и попрощалась.

– Как только что-то найдете, звоните! – крикнул мне вслед парень. – Мне интересно узнать, правда брат это сделал или кто другой.

Я согласно кивнула, затем закрыла за собой балконную дверь и снова очутилась среди заплаканных и бледных, как тысяча смертей, женщин. Даже праздничные наряды и специальные к свадьбе прически не могли сделать их чуть привлекательнее – все до одной женщины в настоящий момент походило больше на старух и даже не пытались этого исправить, всем было не до того.

Стараясь не смотреть по сторонам, я направилась в сторону коридора, мечтая только об одном: поскорее покинуть пронизанную скорбью квартиру и оказаться на улице. Еще бы лучше в собственной машине, но... Кстати, надо срочно заняться ремонтом моей «девяточки».

– Дочка, пойдём, хоть ты нам на кухне поможешь, а то остальные совсем плохи, – неожиданно донеслось до меня откуда-то сбоку.

Я прекрасно поняла, что обращаются именно ко мне, но страсть как захотела сделать вид, что глуха на оба уха и ничего не слышу. Кухня отнюдь не моя стихия, да и вообще у меня есть совсем другие дела, нежели забота о хлебе насущном для присутствующих. Но все же не обернуться вовсе мне не позволила совесть, и я, скрипя зубами, повела головой туда, откуда донесся голос.

Недалеко от меня, у серванта с хрустальной посудой, стояла женщина лет сорока пяти и перетирала сухим полотенцем ложки. Одета эта особа была в длинную черную юбку и легкую безрукавную, но того же траурного цвета кофточку. На голове у нее уже был повязан черный же платок. Лицо ее, как и у других, покрывало множество мелких морщинок, выражение глаз было печальное, но все же она держалась, прекрасно понимая, что кому-то придется готовить еду и кормить родственников.

– Вы ко мне обращаетесь? – на всякий случай решила уточнить я.

– Ну да, больше тут вроде бы таких не расклеившихся окончательно нет, – ответила мне женщина. – Нам на кухне помощница требуется, мы вдвоем со Светкой не успеваем. Пойдем, милая, поможешь.

Я уже хотела сказать: «Извините, но я такими вещами не занимаюсь, и вообще я тут человек посторонний» – и даже открыла было рот, но потом спохватилась, подумав: а что про меня сейчас подумают остальные? Ведь зал был буквально полон народу, и если придется объяснять женщине, кто я и что здесь делаю, то никак уж не при всех. Слегка кивнув, я приняла из рук женщины перетертые ложки и направилась за ней в кухню. Там уже не было мужчин, две стойкие бабенки уже успели их разогнать, чтобы те не мешали, хотя стойкий запах дыма и перегара в помещении все еще держался. Я положила ложки на стол и обратилась к своей проводнице:

– К сожалению, я не смогу вам помочь, я частный детектив и пришла сюда, только чтобы кое-что уточнить. Сейчас мне нужно продолжить расследование, а потому прошу извинить, но я вынуждена покинуть вас.

Речь получилась отменная, но ее никто не оценил. Обе женщины посмотрели на меня таким холодным и тяжелым взглядом, что я невольно испугалась.

– Знаешь что, – сухо произнесла все та же женщина в черном платке. – Мне все равно, кто ты, хоть работник милиции. Я знаю только одно: у меня в квартире куча голодных людей, половина из которых бьется в истерике, другая лежит, наколотая успокоительным, и мне всех их нужно как-то накормить. Не в кафе же за банкетные столы везти. А тебя я видела еще у загса, значит, ты была приглашена, а раз так, то имей совесть и хоть в память о молодых помоги там, где тебя просят. Все остальное подождет.

Сказано все это было таким жестким тоном, что я невольно почувствовала себя задетой: «А разве я, Таня Иванова, не стараюсь хоть что-то сделать для молодых? Разве я не ищу преступника, в то время как остальные льют ручьи слез? А тут меня еще смеют в чем-то упрекать...»

В общем, в первую секунду я собралась было возмутиться и поставить дамочку на место, но почему-то не стала этого делать. Ведь, с другой стороны, она тоже права, и на данный момент у нее была проблема поважнее, чем поиски преступника, за которые взялась я. Ведь есть, как говорится, человеку в любой ситуации надо. Хоть в радости, хоть в горе.

– Хорошо, я помогу вам, – со вздохом согласилась я, подошла к горе грязной посуды в раковине, включила воду и принялась ее перемывать.

Сама же подумала о том, что сегодня от моей детективной работы все равно будет мало толку, учитывая тот хвост неприятностей, что неотступно за мной следует. А так я хоть чем-то помогу и хоть что-то полезное за нынешний бестолковый день сделаю, что уже будет неплохо. Своими же прямыми обязанностями займусь завтра.

Постепенно втянувшись в хозяйственные заботы, не требующие работы головы, я даже не заметила, как руки продолжали машинально мыть посуду, а мозг сосредоточился на обдумывании и переваривании собранной информации. Первым делом я проанализировала рассказ Сергея Костромова о брате погибшего Стаса Лапина.

Обычная ситуация: два брата в чем-то стараются друг друга превзойти. Только одному все удается: оконченная с отличием Школа милиции, а затем институт, адвокатура, удачная женитьба и квартира в подарок, а второму со всем этим не везет – ни тебе образования, а только армия позади, ни жилья собственного. Невольно затаится злоба, тем более что родители сами ее подогревают постоянным приведением в пример старшему младшего и утверждениями, что старший ни на что не годен. Кого бы такое не заело?

А тут еще история с квартирой. Ясно, что старшему совсем не понравилось оставаться обделенным, тем более что он и без того всегда ощущал недостаток родительских тепла и ласки. Естественно, он возненавидел брата еще сильнее, а после того, как произошел скандал с выяснением того, кто, кому и чем обязан, Андрей попросту решил убрать Станислава со своего пути. После гибели брата квартира достанется ему, к тому же он станет единственным, а следовательно, теперь и любимым ребенком. Ему будет уделено все родительское внимание.

Имея собственные ключи от квартиры родителей, Андрей мог еще вчера вечером поместить в телефон брата взрывчатку, надеясь, что, когда тот покинет дом и включит свой телефон, а потом ему кто-то позвонит, произойдет взрыв, и дело с концом. Он наверняка хорошо знал, что Стас отключает сотовый, едва только входит в подъезд своего дома. Сообразил он и то, что, если убить брата после свадьбы, квартира достанется его жене на правах наследования, а это ему было совсем ни к чему. Но Андрей не рассчитал, что, будучи все время дома и пользуясь телефоном домашним, брат не стал никуда выходить вечером, а если и выходил, то не взял с собой трубку, потому-то все и случилось утром, уже в момент окончания бракосочетания.

Одним словом, у меня получалось, что старший брат Станислава вполне мог быть замешан в гибели младшего, и если даже провернул все не он сам, то запросто мог кого-то нанять. Теперь мне предстояло проверить Андрея Лапина «на вшивость» и вывести его, если потребуется, на чистую воду.

Вспомнив о воде, я посмотрела в раковину и увидела, что посуды в ней почти не осталось, исчезли с кухни куда-то и сами «надзирательницы». Это был удачный момент для того, чтобы покинуть квартиру и отправиться по своим делам. В конце концов, они также не последней важности, а дамы с остальным уж сами как-нибудь справятся. Я помогла, чем могла.

Быстренько вытерев руки о найденное на столе полотенце, я схватила лежавшую в сторонке свою сумку и вынырнула в маленький коридорчик. А оттуда, никем не замеченная, вышла на площадку.

«Все, домой, теперь только домой! Кушать, ремонтировать машину, без которой я не только как без рук, но еще и как без ног. А уж с завтрашнего дня начну упорно заниматься только расследованием. Да, так будет лучше и правильнее всего».

Глава 3

Как ни странно, но машину отремонтировать удалось буквально за пару часов, и все благодаря Гарику Папазяну, человеку, способному ради меня на любой подвиг.

Гарик был моим давним другом и обычным рядовым опером, правда, армянского разлива. Как и любой представитель своей жгучей и любвеобильной нации, он души не чаял в блондинках, меня же страстно желал с самого первого дня нашего с ним знакомства. Гарик постоянно старался всячески мне свои чувства продемонстрировать, тонко намекнуть на то, как нам с ним могло бы быть хорошо. Ну да я ведь натура непоколебимая, если и влюбляюсь в кого, то ненадолго, а на Гарика и вовсе не запала и предпочла иметь его рядом в качестве друга. Так мне было гораздо удобнее и проще.

Друг вышел преотличный – со связями, с умением быстро находить для меня что угодно и где угодно. И самое-то главное, что в качестве платы за все это он просил всего лишь какой-то поцелуй и немножечко моего драгоценного времени. Получал желаемое не всегда, так как я каждый раз весьма умело его «кидала» и оставляла ни с чем, но Гарик не очень обижался и упорно продолжал добиваться своей цели. А я своих с его помощью. Так что на этом-то мы с ним и сошлись.

Так вот, Гарик и теперь значительным образом помог мне. Не знаю уж откуда, но он притащил к моему дому сразу нескольких автослесарей, мастеров по «Жигулям», которые мою «девятчку» мигом перебрали и отремонтировали. Я же все это время вынуждена была развлекать Гарика, строить ему глазки, позволять касаться своих прелестных локотков. Ну да бог с ним, не велика цена. Главное, что теперь я снова была на машине. В денежном эквиваленте поблагодарив всех работничков за помощь, я дала понять Папазяну, что у меня дела, и, попрощавшись с ним, отправилась домой. Там наконец-то перекусила, с облегчением плюхнулась в кресло и с наслаждением вытянула перед собой ноги.

И тут заверещал телефон. Я выпалила в адрес звонившего, побеспокоившего меня и оторвавшего от заслуженного отдыха, пару резких слов, тяжело вздохнула, но все же сняла трубку и произнесла:

– Я слушаю.

В ответ мне донеслось какое-то бурчание, а потом знакомый мужской голос спросил:

– Я не ошибся, это Татьяна Иванова?

– Да, – коротко ответила я и безо всякой охоты попыталась вспомнить, откуда я знаю голос звонившего.

Гадать долго не пришлось, так как он сразу же представился – им оказался мой недавний собеседник Сергей Костромов, друг Станислава Лапина.

– Что-то случилось? – сразу все вспомнив, поинтересовалась я.

– Да, – уверенно заявил тот. – Я только что узнал от родственников Стаса, что его брат Андрей, ну, про которого я вам говорил, сегодня куда-то уехал, якобы на дачу к другу. Его пытались найти, чтобы сообщить о случившемся, но так и не смогли разыскать. И я думаю, точнее, я почти уверен, что он пытается замести следы и скрыться от милиции, ведь он чувствует свою вину. Вы должны его отыскать и заставить во всем признаться, потому что...

– Я вас поняла, – устало ответила я, прекрасно осознавая, что никуда спешить прямо сейчас не намерена. И так у меня выдался отвратный денек, пусть хотя бы завершение у него будет приличным. – Спасибо за информацию, я учту ваши пожелания, – произнесла я ожидающему ответа парню. А потом сразу попрощалась и повесила трубку.

«Значит, Андрей исчез из города», – буквально сразу завертелась в голове активные мыслишки, никак не давая мне расслабиться и отключиться. Пришлось им подыграть, чтобы побыстрее от них освободиться.

Итак, родственники жениха уверены, что парень уехал на дачу к другу. Сергей же Костромов считает, что он попросту скрылся. Насколько я могу судить из его рассказа о старшем из братьев, то он человек не слабонервный – в армии все-таки служил, а к тому же не совсем законными делами занимался, – стало быть, вот так сразу выдавать себя не станет. Да и ни к чему ему пока нервничать, ведь никто ничего не знает, милиция его не беспокоила, и неизвестно, побеспокоит ли? Нет, не станет Андрей никуда пропадать, по крайней мере некоторое время.

Следовательно, не о чем и мне беспокоиться. Вернется этот деятель завтра домой, а там уж и понаблюдаем. Пока же понаслаждаюсь последними свободными часами перед тем, как кидаться с головой да в омут. Я и так сегодня много сделала и даже посуду – причем не свою, а чужую! – перемыла. Для меня такой поступок равносителен подвигу, но никто его не оценил.

Несколько минут посидев просто так, ничего не делая, я поняла, что долго безделья не выдержу, тем более что настенные часы показывали всего восемь часов. Следовательно, нужно найти себе какое-нибудь занятие на оставшийся до сна отрезок времени. Как-то само собой вспомнились мои магические косточки. И я решила прямо сейчас узнать, что мне в ближайшее время светит.

Эти самые косточки, иначе говоря, двенадцатигранные кубики с цифрами на всех сторонах, давно уже помогали мне найти ответы на терзающие меня вопросы. Они словно считывали информацию из будущего и давали мне тот или иной ориентир, на который я и опиралась в ходе дальнейшего расследования. Ну, а чтобы этот самый ориентир получить, всего-то и требовалось, что бросить двенадцатигранники, посмотреть, какие числа выпали, а потом уже суметь понять, что пытались сказать кости. Понять и, конечно же, прислушаться к их совету.

Быстренько встав с кресла, я принесла из прихожей свою сумочку, достала из нее небольшой черный мешочек с косточками и принялась трясти его. Затем развязала веревочку и высыпала содержимое мешочка себе на колени. Сложившаяся комбинация оказалась такой: 10+21+25. Память у меня отменная, и я без особого труда вспомнила трактовку данного сочетания цифр: «Если человек не хочет что-то изменить, значит, его устраивает положение вещей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.